

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ВАСИЛИЙ
ЯН

К последнему морю

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Я60

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении обложки
использованы фрагменты работы
художника *Николая Рериха*

Ян, Василий Григорьевич.

Я60 К последнему морю / Василий Ян. — Москва :
Эксмо, 2024. — 384 с. — (Всемирная литература (с кар-
тинкой)).

ISBN 978-5-04-201889-3

«К последнему морю» — третья и завершающая книга знамени-
той трилогии Василия Григорьевича Яна (1874–1954) о монгольских
завоеваниях. Триумфальный поход Батые к западным землям завер-
шился у берегов Адриатического моря, но подорвал ханскую власть
на завоеванных территориях.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ян. В. Наследники, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-201889-3

России определено было высокое предназначение... Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработанную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и вздыхающей Россией...

А. С. Пушкин

«Я дойду до последнего моря, и тогда вся Вселенная окажется под моей рукой».

Из летописей о Чингиз-хане

Часть первая
«ЭТО БЫЛО В БАГДАДЕ...»

Глава первая
**РЕЗЧИК ПЕЧАТЕЙ
ДУДА ПРАВЕДНЫЙ**

На площади перед главной мечетью Багдада, на самом краю широкой каменной лестницы, сидел за маленьким столиком Дуда Праведный и вырезывал надписи на шлифованных сердоликовых печатях. На них он писал имена заказчиков красивой вязью, арабскими буквами, с искусным росчерком. На перстнях с камнями он писал также таинственные заклинания, дающие силу и здоровье владельцу или предохраняющие его от дурного глаза и губительных заклятий злых людей.

«Дуда Праведный» — так звали резчика печатей... Кто из посетителей величественной мечети не замечал согнувшегося мастера с длинной рыжей бородой и черными мохнатыми бровями, под которыми глаза казались сумрачными, затаившими сокровенную мысль?

Однажды к Дуде Праведному подошел человек благообразный, в дорогой шерстяной одежде «абе», уже выцветшей от времени, с приветливой улыбкой на спокойном лице. Он положил на столик полупрозрачный молочно-голубоватый камень, называемый «лунным»,

и попросил вырезать надпись: «Хасан Осторожный, бладобрей его святейшества халифа».

— Ты меня прости, что я вмешиваюсь не в свои дела, — сказал Дуда, не отрываясь от работы. — Но такая надпись может повлечь за собой нежелательные толки и даже опасные для тебя последствия. Надо написать иначе. Его святейшество халиф, как образец добродетели и совершенства, не должен и не станет брить бороды. Это вызовет волнение в народе. Машалла, машалла! Не дай Бог!

— А какую надпись ты предложишь? — спросил удивленный и обеспокоенный Хасан.

— Твой предшественник, закончивший счеты с земной жизнью пять лет тому назад, как говорят, имел звание: «Абдулла Бербер, оберегающий бороду его святейшества халифа»... Такая надпись не вызывает никаких сомнений... «оберегающий бороду!» — и Дуда многозначительно поднял указательный палец. — Тогда и сам халиф, — да будет над ним покой и благополучие! — оценит твою осторожность.

— Так и сделай! — сказал Хасан резчику и хотел уже уходить, как вдруг заметил перстень с надписью, которая чем-то привлекла его внимание. — А это что за печать? — спросил он и протянул руку к перстню.

Тут Дуда Праведный, с необычной для него живостью, схватил золотой перстень и спрятал его в кожаную коробочку за пазухой, где хранились и другие драгоценности его заказчиков.

— Я еще не закончил работы над этим перстнем. И я не люблю показывать незавершенные вещи.

В это время к мечети подсказал молодой всадник на горячем, танцующем золотисто-рыжем жеребце. Не сходя с коня, он крикнул:

— Привет тебе, мой почтенный наставник, Дуда Праведный! Готов ли мой перстень?

Дуда, всегда спокойный и величавый, вдруг засуетился, раскрыл кожаную коробочку, достал золотой перстень

и быстро спустился по ступенькам лестницы к молодому всаднику. И всадник и его конь были молоды, стройны и красивы.

Всаднику можно было дать около двадцати пяти лет. Одет он был скромно, как простой кочевник пустыни, бедуин, но видно было, что даже в лохмотьях он сохранил гордую осанку смелого вольного человека. Обаяние молодости и лицо, освещенное внутренней силой, делали его прекрасным и привлекательным.

— Кто это? — спросил брадобрей Хасан, когда всадник, взяв перстень, вскачь умчался через площадь и скрылся в облаке пыли.

Дуда отвечал раздраженным голосом:

— Не все ли тебе равно? Ты бреешь бороды, а он укрощает коней. Это самый лихой наездник на конских играх арабов, и не было еще жеребца, который не смирился под его уверенной рукой.

— Но зачем ему такой золотой перстень?

Дуда Праведный так рассвирепел, что стал шипеть и кричать, размахивая руками. Поднимавшиеся по ступенькам богомольцы остановились в удивлении.

— Почему ты привязался к этому перстню? Какая у тебя до него забота? Если бы ты был джасусом — шпионом — правителя этого города, я бы стал тебе отвечать, а сейчас ты отвяжись-ка лучше от меня!..

Хасан-брадобрей попятился и быстро удалился. Он помчался прямо во дворец, чтобы рассказать векилю — смотрителю дворца — о виденном.

— Ведь это, кажется, перстень Ал-Мансура¹, — повторял он ему взволнованно.

— Ты доложи об этом. Здесь скрыта какая-то тайна.

¹ Ал-Мансур — в средневековых европейских сказаниях это имя начальника гвардии рабов в Кордовском халифате переименовано в Альмансор.

Глава вторая

РОВНО В ПОЛНОЧЬ

В Багдаде ночь наступает быстро, почти мгновенно. Множество огоньков засветилось в лавках торговцев, когда Дуда, широко шагая, спешил по узким улицам вслед за вереницей других прохожих.

В глухом переулке он постучал в небольшую дверь. Ее открыл на условленный стук одноглазый мрачный сторож, и Дуда прошел в узкий двор, заставленный двухколесными арбами. Осторожно пробрался он среди теснившихся верблюдов и попал наконец в свою каморку, в подвале двухъярусного строения, где хранились товары купца Махмуда-урганджи¹.

Хозяин, богатый торговец хорезмскими шелками и вышивками, богомольный и странноприимный, несколько лет назад позволил жить в его доме резчику печатей, оставшись доволен вырезанным на золотом перстне заклиниванием великого Сулеймана², принесшим ему удачу в торговле.

В полной темноте Дуда по привычке нашел низкий столик, положил возле него в нише принесенную с собою кожаную сумку с инструментами и снова вышел во двор. Он сел на деревянном обрубке около входа и долго покорно ждал, поднимая глаза к звездам, ярким и лучистым, сверкающим на потемневшем небе.

Сопевшие верблюды — одни лежали, другие стояли, и, казалось, оранжевые огни костра, разведенного посреди двора погонщиками, пылают между их ногами.

Наконец мелькнула заветная тень и приблизилась к Дуде. На него повеяло ароматом розового масла. Нежный голос прошептал:

¹ Урганджи — то есть родом из Ургенча.

² Сулейман — библейский царь Соломон, позднее герой многих мусульманских легенд.

— Наш почтенный хозяин посылает тебе привет и просит помолиться за него.

Принимая горячую лепешку и глиняную миску дымящейся похлебки, Дуда почувствовал маленькие руки с серебряными кольцами, и край покрывала коснулся его лица. Он покорно ждал, пока говорившая тень скрылась, обещав принести горячих углей, и жадно глядел ей вслед. Она вскоре вернулась, раздувая угли, и тогда алый отблеск осветил нежные черты девичьего лица, ее насурьмленные брови и расшитую повязку на лбу. Певучий голос как будто насмешливо спросил:

— Почему у тебя так дрожат руки, когда ты от меня принимаешь похлебку? Я каждый раз боюсь, что ты ее прольешь.

И с легким смехом девушка скрылась во мраке.

Дуда, вернувшись в свою каморку, раздул угли и поджег хворост в очаге. При колеблющемся свете он стал писать на полях толстой священной книги Корана. Раза два он доставал маленький узкий ножик и оттачивал камышинку для письма. Все время он бормотал странные слова и размахивал руками, точно спорил с кем-то:

— Полночь... Сегодня в полночь! Это выше моих сил! Больше сердце не выдержит. Пора кончить с этой скитальческой жизнью... Но все же у меня остаются надежды... Перехитрить меня не удастся никому. На шахматной доске жизни выручит только «ход коня»! Глупо идти прямой дорогой, если ее перегородила брошенная шайтаном скала. Завтра утром должна засверкать вспышка моего гения. Люди забегают и закрутятся в безумном хороводе под напев моей дудочки, такой скромной и слабой. Только бы хватило сил, только бы скорпион несчастья не ужалил меня прямо в сердце в то мгновение, когда удача уже может подхватить меня и вскинуть на гребень волны.

Дуда задвинул засов входной двери. Он отвернул войлок посредине комнаты. Под ним показалась небольшая дверца люка.

Стараясь не шуметь, Дуда опустился в черное отверстие. Ощупью, в полной темноте, прошел он несколько шагов и наткнулся на вторую лестницу, ведущую кверху. Осторожно он поднялся по ней и оказался в каморке с узким длинным столом посередине. Через маленькое окно лился слабый звездный свет.

Дуда стал на колени и опустил голову на руки. Тихо, про себя, читал он молитвы, сперва по-арабски, потом на каком-то другом языке.

Он поднимал голову, смотрел на овальное окно, потом снова принимался за молитвы. Глухие рыдания потрясали его, и он с трудом удерживал их, стараясь сохранять тишину.

Наконец в окне показался яркий, точно раскаленный добела, край равнодушной луны, свершающей по небу свой обычный путь.

Стоя на коленях, Дуда выпрямился и вцепился руками в край стола... Бледный печальный луч осветил стоящие на столе узкие носилки, сплетенные из прутьев.

На носилках лежало женское тело в темной шелковой одежде. Оно так исхудало и высохло, что едва намечалось среди складок платья. Две маленькие ручки скрестились на груди, и на них блеснули серебряные кольца.

Дуда откинулся назад и с трепетом ожидал...

Когда диск луны заполнил окно, на его ярком серебряном фоне четко вырисовывался нежный профиль. Дуда с безумной страстностью шептал:

— Я здесь, твой верный слуга... Я здесь, возле тебя, как всегда!.. Нежная, безгрешная Мариам! Слышишь ли ты меня? Протяни свою маленькую ручку и коснись моего лба! Укрепи мои силы!

Он жадно всматривался в профиль, все еще надеясь, что поднимутся ресницы и лицо вздрогнет снова, пробудившись к жизни.

— Судьба! Всяду рок! Ужасная судьба, с которой не может справиться даже моя неукротимая во-

ля. Судьба ломает все, что я наметил, все, что я подготовил, разрушая все заклинания, но я все же не сдаюсь!..

Луна, медленно подвигаясь, уходила. Вот она исчезла, и нежный профиль потонул во мраке.

Дуда упал на колени, кусая пальцы, стараясь подавить глухие рыдания.

— Светлая, безгрешная Мариам умерла. Я вижу ее в последний раз. В последний раз. Завтра ее отнесут в обитель вечного покоя!..

Вдруг его привели в себя крики, раздавшиеся во дворе:

— Дуда, резчик печатей! Открой дверь, или мы ее выломаем!

Дуда колебался несколько мгновений; затем, быстро поднявшись, вернулся в свою комнату и закрыл люк старым войлоком.

В дверь настойчиво продолжали стучать. Он отодвинул засов.

Черный раб с пылающим факелом шагнул внутрь каморки, наполнив ее дымом. За ним на пороге стоял человек в полосатом плаще, которого Дуда знал как самого свирепого из палачей халифа.

— Ты — Дуда, резчик печатей, прозванный Праведным?

— Ты сказал истину, почтенный Мансур, меч правосудия и могучая защита трона его святейшества!

— Сейчас ты пойдешь со мной, и мы проверим, насколько ты праведный. Рабы, возьмите этого человека за руки и держите, чтоб он в темноте не убежал. Он колдун, может обратиться в летучую мышь и улететь.

— Я и так покорно повинуюсь, мой господин! — Дуда послушно подставил свои руки, и два черных раба быстро скрутили их жесткими веревками.

Глава третья

ВО ДВОРЦЕ ВЕЛИКОГО ХАЛИФА

Когда два эфиопа, державших за руки Дуду, поднялись с ним из подвала во двор, Дуда вдруг так пронзительно закричал, что спавшие на крыше люди стали просыпаться и отовсюду доносилась брань:

— За что вы мучаете праведного старика? Оставьте его! Злодеи!

Мансур торопил эфиопов:

— Скорей, скорей вперед!

Дуда упирался:

— Зачем эти бесхвостые обезьяны выворачивают мне руки? Ведь руки меня кормят! Я пойду и так...

Он с непонятной силой повернулся к одному из эфиопов:

— Смотри мне в глаза, копченый свиной окорок! Сейчас ты сам захочешь улечься на земле, здесь, прямо на верблюжьем помете! Ложись! Засыпай скорее, как сурок!

Огромный эфиоп в пестром балахоне с медным кольцом в носу вдруг зашатался, осел и лег на бок.

Дуда повернулся ко второму эфиопу и, впиваясь в него горящими глазами, продолжал:

— И ты тоже, перезрелая тыква, уже захотел спать! Ложись рядом с твоим приятелем-лентяем и начинай храпеть, как этот черный буйвол!

Второй эфиоп, шатаясь, подошел к лежащему, свалился возле него, и оба громко захрапели.

Мансур, разъяренный, бросился к спавшим чернокожим, толкал их ногами и неистово ругался. Потом он вытер концом матерчатого пояса пот со лба и повернулся к Дуде, спокойно стоящему с протянутыми к небу руками.

— Жемчужная луна! — говорил Дуда. — Ты равно светишь великим и малым, умным и глупцам. Проясни

головы непонимающим, чтобы они не тащили Дуду Праведного, как тушу зарезанного барана!

Он поклонился Мансуру и сказал:

— Ты ведешь меня к счастливейшему обладателю правильного мнения. Зачем же ломать нужные его святейшему руки, такие тонкие, искусные? Я пойду сам. А чтобы эти два грубых верблюда не провалялись здесь сутки, я им прикажу, что надо делать. Эй вы, шакалья падаль! Бегите скорее домой и спите там до завтрашнего утра!

Оба эфиопа вскочили и, подтягивая руками просторные шаровары, со всех ног бросились в ворота.

— Иди вперед, подаватель благого совета, достойный Мансур! — сказал Дуда посланнику халифа. — Я следую за тобой.

Черный слуга с факелом пошел впереди, за ним Мансур, постоянно оглядываясь и грозно стуча посохом. Последним шагал Дуда Праведный, легко выбрасывая длинные сухие ноги.

Они прошли узкими извилистыми улицами спящего Багдада, днем всегда оживленного, полного шумной толпой. Теперь только стаи собак грызлись на перекрестках из-за брошенных костей и ночные сторожа, вертя трещотками, загораживали путь, издали крича:

— Кто идет? Говори или зарублю!

Услышав, что идет великий палач халифа, кровавый Мансур, сторожа отходили в сторону и склонялись до земли, бормоча приветствия.

Дорога привела к берегу великой реки Диджлэ¹. Они вошли в поджидавшую их халифскую лодку, переправились на другой берег, где их встретили векиль и несколько вооруженных воинов.

— Царь времени гневается, — сказал векиль, — и не спит. Он приказал немедленно представить перед его блистающим взором опасного злодея.

¹ Диджлэ — так тогда назывался Тигр.

— Великий Ал-Мансур! — воскликнул Дуда, подняв руку и обращаясь к луне. — Ты все слышал и за все отмстишь в свое время!

Мансур подошел к векилю, отвел его в сторону и, волнуясь, шепотом объяснил ему, что этот высокий рыжебородый старик, вероятно, могущественный волшебник; его не надо раздражать, а бережно доставить во дворец, чтобы он не обратил всех в летучих мышей. Эфиопов он усыпил, и они мгновенно свалились, как пьяные, а потом, по его приказанию, вскочили и убежали, словно облитые кипятком.

— Понял, понял!.. Пожалуйста, почтенный Дуда Праведный, следуй за мной. Его святейшество — да будет над ним мир! — тебя ждет. Надо торопиться.

Дворец и сад халифа занимали огромное пространство, чуть ли не половину города. Из-за высокой стены видны были раскидистые пышные финиковые пальмы, стройные кедры и между ними плоские крыши бесчисленных зданий, в которых, под неусыпным присмотром тысячи евнухов, хранились «жемчужины» халифа Мустансира — его семьсот жен. Дальше высились тонкие стрельчатые минареты дворца. Местами на стене виднелись неподвижные часовые с копьями.

У ворот с двумя башенками по сторонам стояла стража и, волнуясь, ожидала возвращения начальника палачей, всегда бешеного и раздражительного.

Стража расступилась, и Дуда Праведный зашагал через роскошный сад халифа важно и торжественно, не глядя по сторонам.

Векиль и Мансур быстро прошли вперед, поднялись по ступенькам дворца, где уже ждал великий визирь с двумя слугами, державшими бронзовые резные фонари.

— Кто ты? — спросил великий визирь, положив руку на седую бороду.

— Сын Адама, резчик печатей, прозванный Дуда Праведный.

— Ты сейчас предстанешь перед светлыми очами халифа Мустансира, — да будет над ним милость неба! Запомни, что ты не смеешь ему задавать вопросы, а должен только отвечать.

— Я буду говорить все, что пожелает узнать его святейшество! — пробормотал Дуда.

Все поднялись по витой лестнице на крышу дворца, устланную мягкими коврами. Над ней бескрайним куполом простиралось сапфировое небо, усыпанное алмазными переливающимися звездами.

В одном углу крыши лежали груды подушек из знаменитого багдадского красного сафьяна. Среди них сидел человек средних лет с крашеной черной бородой, в большом белом тюрбане. Красная шелковая одежда была расшита на плечах золотыми цветами. Расположившиеся полукругом несколько приближенных сидели на пятках, положив руки на колени.

Дуда долго стоял в ожидании и, полуотвернувшись, смотрел вдаль.

Главная торговая часть города, за рекой, уже затянулась легким туманом. Кое-где мигали огоньки. Река Диджлэ слегка рябила золотыми лунными блестками. В ярком свете можно было ясно различить, как далеко уходила река в сторону Персидского залива.

«Наконец я во дворце могучего халифа, — думал Дуда, задыхаясь от волнения, но наружно спокойно-величавый. — Девять лет я ждал этого счастливого мгновения. Не упускай счастья, которое встает перед тобой сегодня в этом сказочном дворце всемогущих владык!.. А что будет с тобой дальше? Будет то, чего ты сам сумеешь добиться...»

— Выслушай меня, почтенный человек, — сказал вполголоса приблизившийся векиль. — Ты подойдешь сейчас к его святейшеству, опустишься перед ним на колени и будешь молча ждать.

Дуда скинул сандалии на краю ковра, подошел к халифу, опустился на колени и поцеловал ковер между руками.

— Здравствуй, рыжая борода! — сказал халиф. — Я слышал, что ты знаешь тайное!

— Ты, как всегда, сказал истину, непогрешимый, — да возвеличится еще более твое могущество и слава! Но я должен все важное, что знаю, рассказать только тебе, без посторонних слушателей. Этого требует завещание Ал-Мансура.

— Мои преданные друзья, — обратился халиф к сидевшим. — Вы можете пойти отдыхать в залах дворца, а я останусь только с моим великим визирем.

Все поднялись и, прижав руки к груди, тихо вышли мелкими почтительными шажками.

Дуда молча смотрел на халифа и думал:

«Вот передо мной самый могущественный среди мусульман, преемник пророка. Этот араб, такой с виду обыкновенный, сохраняет в себе высшую духовную силу ислама. К нему обращены мысли и моления всех почитателей веры Мухаммеда восьми концов света. Он может меня возвеличить и поднять на вершину удачи и счастья или низвергнуть в бездну горя».

Халиф вынул из резной серебряной коробочки золотое кольцо и спросил:

— Ты резал это кольцо?

— Я должен его посмотреть.

— Возьми!

Дуда на коленях приблизился к халифу, взял кольцо и почувствовал, как дотронулся до выхоленной руки халифа. Ему показалось, что духовная сила ислама через это прикосновение проникла в него и обожгла его.

Осмотрев кольцо, Дуда сказал:

— Пять лет назад я резал это кольцо.

— Знаешь ли ты, что за надпись на нем тебе следует отрубить безумную твою голову?

— Ты можешь это сделать, хранитель закона, но тогда тайное я унесу с собой, а ты ничего не узнаешь, и оно повиснет над тобою, как отчаянный меч судьбы.

Халиф вздрогнул...

— Говори все, что знаешь, а я обещаю тебя охранять, и ни один волосок не упадет с твоей головы...

Глава четвертая

«ХОД КОНЯ»

Дуда отодвинулся, сел на пятки в позе молящегося и резко повернулся назад. На площадке за ним уже никого из охраны не было. Он заговорил сперва спокойно, но затем все более горячо:

— Ты хорошо знаешь, великий, что со времени кончины мудрого халифа Харун ар-Рашида могущество и слава великого арабского племени стали колебаться и поражение следовало за поражением.

— Как же этого не знать! Как нам не горевать об этом!

— Великая держава, созданная светлым непобедимым мечом арабов и раздвинувшая свои границы от плодородных земель Мавритании до диких пустынных гор китайского Кашгара, стала потрясаться от внутренних беспорядков и вторжений враждебных орд диких монголов.

— И это мне известно!

— Должны ли мы, правоверные, примириться с этим и ждать печального конца, к которому нас приведет ослабление могущества арабов, или нам нужно собрать все силы, чтобы снова всюду победоносно реяло великое зеленое знамя пророка?..

— Эта мысль давно тревожит мне сердце.

— Тебя беспокоит кольцо, найденное на руке убитого воина, последнего потомка великого полководца Абд ар-Рахмана. А может быть, у него остался сын? Сын достойный и прекрасный, полный ясного ума?.. Арабы

всегда страдали оттого, что их шейхи враждовали друг с другом.

— Да, это наше давнишнее постоянное горе! — вздохнул халиф.

— Великие люди для создания великих дел должны окружать себя достойными же помощниками. Если же существует последний потомок Абд ар-Рахмана, великого полководца, разгромившего франков и грозившего завоевать все «вечерние страны»... если жив такой юноша, изучивший круг высших знаний в медресе, тобою основанном, блистающий красотой и мужеством, как месяц на небе, укрощающий диких коней, владеющий светлым мечом, как молнией, — хотел бы ты, могучий халиф, чтобы такой юноша был тебе близок, как сын, предан, чист и верен, как слово Аллаха?.. Чтобы он повел твои войска к новым победам, чтобы опять ярко засверкала, как в былые времена, слава арабской доблести?..

Халиф взглянул удивленно на великого визиря. Тот тихо и почтительно ответил:

— Такого светлого воина, разумеется, лучше иметь преданным другом и защитником, чем тайным коварным врагом. Всякий, кто сумеет помочь славе арабского имени, должен найти поддержку и благословение святейшего багдадского халифа.

— Но где же этот воин, покажи мне его, если он живой человек, а не выдуманый, созданный праздною сказкой болтуна на базаре.

— Я могу тебе его показать. Но я боюсь, не пришлось бы мне потом расплачиваться, лить слезы сожаления и рвать на себе волосы от скорби, что я погубил его.

Халиф сказал:

— Я обещаю тебе, что если он такой, каким ты его описываешь, что если он не сделал и не сделает никаких преступлений, то он будет под моей постоянной защи-